

6. А.П. Костяев/А.Р. Kostyaev

*Московский государственный открытый университет, г. Москва
Moscow state open University, Moscow*

**ДИСКУРСИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ
DISCURSIVE OPPORTUNITIES IN REFLECTION OF PSYCHO-
EMOTIONAL STATES**

Ключевые слова: дискурс, текст, языковое сознание, семантика, нарративный фрейм, рассказ, психоэмоциональное состояние.

Keywords: discourse, text, verbal consciousness, semantics, narrative frame, story, psycho-emotional state.

Для исследования особенностей дискурсивного поведения лиц с выявленными видами аффекта использовался пересказ текста, в котором О. Генри описывает переживания одинокой женщины, хозяйки булочной, испытывающей сочувствие к одному покупателю – мужчине, показавшемуся ей художником.

Испытуемым предлагалось прослушать текст и написать рассказ. Использование языковых структур при описании позволяет выявить тенденцию сочетания форм аффекта с вербальными средствами. В данном случае делается допущение о влиянии аффекта на организацию языкового сознания. Языковое сознание понимается вслед за представителями субъективной семантики как *n*-мерное семантическое пространство, выступающее операциональным аналогом деятельности (см.: Шмелев, 1983; Петренко, 1997). Данное состояние языкового сознания влияет на выбор или предпочтения в использовании вербальных структур.

Проблема релевантных языковых структур дискурса, позволяющих сигнализировать о психическом состоянии, является сегодня актуальной в лингвистике. Предлагается лингвистический вариант «контент-анализа, когнитивного картирования, позволяющий реконструировать фреймы и скрипты текста (Романов, 2002). В качестве различительных особенностей могут выступать «коэффициент эпизодичности», статистическое преобладание предикатов со значением статики или динамики, полипредикативность, т.е. наличие осложненных структур предложения, или преобладание ядерной предикации.

Для целей нашего исследования существенными оказываются такие категории в дискурсе, как опускание каких-то деталей или целых образов в пересказе, появление деталей или образов, которых нет в оригинальном тексте. В данном случае работает механизм проекции или избегания (защиты), так как они уменьшают степень когнитивного диссонанса. Пересказ выступает как самая простая форма интерпретации, а она «индивидуализирована и субъективна <...> происходит проецирование, приписывание смысла факту,

который может и не содержать его субъективно» (Славская, 2002: 50). Интерпретация связывает разные уровни Я – бессознательный, неосознаваемый, осознаваемый и сознательный, в этом выражается единство личности.

Понимание текста студентами предполагает, согласно концепции С.А. Васильева (1972) несколько этапов: 1) перевод текста, т.е. эмоциональное вживание; 2) комментарий как представление, т.е. модель второго уровня понимания текста; 3) истолкование, т.е. понимание морали текста. Интересны такие факты, как наличие или отсутствие «морали» в излагаемом тексте, уровень свернутости описания или пересказа, символичность образов, отсутствующих в исходном (стимульном) тексте. Однако полученные данные носят аппроксимирующий характер, так как в дискурсе очень трудно определить, является ли, к примеру, тенденция к конкретности, детальности описания следствием влияния категории аффекта или психической диспозиции «синтетичность – аналитичность» когнитивного стиля. Поэтому полученные данные через анализ дискурса носят вспомогательный характер.

Для *невротической* формы аффекта характерно в 64% отсутствие морали при пересказе текста. Более углубленно описываются внутреннее состояние и переживания мисс Марты. В результате идентификации себя с героиней новеллы другое действующее лицо мужчина – предполагаемый художник – не получает адекватного исходному тексту описания. Вот, наиболее типичный пересказ испытуемой С.: *«У мисс Марты была собственная булочная, банковский счет на две тысячи долларов и чувствительное сердце. Раз в несколько дней к ней заходил человек лет пятидесяти, в очках. Его костюм был в заплатках и сидел на нем мешковато. Он всегда покупал два черствых хлебца и ничего другого. Свежие хлебцы стоили 5 центов штука, а черствые два на 5 центов. Каждый раз, когда мисс Марта садилась обедать, она думала об этом человеке. Мисс Марта сильно жалела, что он не может разделить с ней трапезу.*

Однажды она заметила у него на пальце следы черной краски и решила, что он художник. Чтобы подтвердить свою догадку она поставила картину, купленную ею когда-то на аукционе на полку за прилавком.

Художник в очередной раз пришедший за черствыми хлебцами, заметил картину. «Мадам у вас прекрасная картина», – сказал художник. «Я очень интересуюсь искусством и живописью», – мисс Марта обрадовалась своей хитрости, – «Рада, что вам нравится».

Да мадам, но дворец нарисован неточно и у вашей картины неправильные перспективы, ответил её художник.

Как мы уже говорили, у мисс Марты было чувствительное сердце. Она представляла себе, как этот человек кладет кисть, перед ним стоит мольберт. На нем картина с безупречными перспективами. Художник тянется за своим ужином – черствыми хлебцами, мечтая о всяких вкусных вещах, которых полно в булочной у мисс Марты. Ее сердце разрывалось, когда она думала об этом.

Однажды, её художник как обычно пришел за хлебцами. Как раз в это время за окном булочной раздался рев сирены и с грохотом проехала пожар-

ная машина. Художник кинулся к двери. В это время мисс Марта разрезала хлебцы. Положила в каждый по солидному куску масла и прижала верхние куски к нижним. Когда художник вернулся к прилавку мисс Марта уже заворачивала хлебцы в бумагу. После короткой, но особенно приятной беседы художник ушел.

Мисс Марта ушла в заднюю комнату и представила себе, какое лицо будет у художника, когда он увидит ее маленький подарок. Вдруг дверь булочной открылась и кто-то вошел в булочную и увидел, что художник пришел с другим человеком, который был ей незнаком. Глаза художника метали молнии, а лицо его покраснело.

«Вы старая, нахальная кошка», крикнул он мисс Марте. Его спутник вытолкнул художника за дверь, затем вернулся. Он сказал: «Мадам, вы должны знать, в чем дело. Это Блюмберг. Он чертежник. Уже три месяца он готовил проект муниципалитета к конкурсу. Чертеж сначала делается карандашом, а затем обводится тушью. Он использовал черствые хлебцы, чтобы стирать карандашные линии. А ваше масло сделало чертеж пригодным разве что для бутерброда». Затем он попрощался и ушел».

В данном дискурсе опущена тема «художника» и, вероятно, само обобщение в виде морали также выпадает из фокуса описания. У невротических респондентов либо вовсе опущено содержание бесед, либо оно представлено в свернутом виде, что, скорее всего, свидетельствует о сложностях понимания других или незначительности данной потребности. Некоторые респонденты свертывают пересказ до оценки поступка мисс Марты. «Морализаторство» – другая крайность дискурсивного поведения или проявления аффективной категории.

Некоторые тексты обладают плохой когерентностью, т.е. плохой семантической связностью. Это указывает на преобладание дискретной стратегии построения дискурса над континуальной (о возможности разграничения данных стратегий см.: Славская, 2002). В тексте появляются описания мужчины с усами и тростью, с мелкими деньгами, что не соответствует данным исходного текста. У А. Менегетти *палка (трость)* «представляет собой амбивалентный образ, обозначающий либо поддержку, либо атаку, нападение ... иногда указывает на механическую ригидность, пронизывающую весь организм, все поведение субъекта» (2000: 48), а *деньги* символизируют нефункциональные мнения, убеждения, принципы, которых придерживается человек (2000: 387).

Акцентуирование отдельных тем через их количественную реализацию в пропозициях текста может свидетельствовать о дополнительной информации языковой личности. Так, в описании испытуемой С. Акцентуируемая тема «уход за своей внешностью» может сигнализировать о демонстративности характера, однако это, конечно, нуждается в специальном исследовании.

Любопытно, что 80% респондентов подчеркивают в описании неудачу чертежника из-за действий мисс Марты, а не крушение ее надежды, как у автора оригинального рассказа. Упущенная материальная выгода оказывается чаще в центре внимания невротичных испытуемых, нежели крушение на-

дежд владелицы булочной, что находит выражение в конце рассказа О. Генри: «Мисс Марта ушла в комнату позади булочной. Там она сняла свою шелковую блузку – белую, синим горошком, и надела прежнюю – бумажную, коричневого цвета. Потом взяла притиранье из айвовых семечек с бурой и вылила его в мусорный ящик за окном». Данное окончание текста имеет символическое прочтение, но оно выпадает из поля зрения невротичных респондентов.

Агрессивный комплекс также оказывает влияние на построение текста. Это проявляется в актуализации значения, которое называется лингвистами семей, а психологами фактором. Так, испытуемый К. отмечает в своем тексте эпизод «кусания булочки», который являет собой факт проекции, т.е. воспроизведение информации, отсутствующей в исходном тексте. *Зубы* символизируют защищенность, агрессию.

При этом наблюдается слабая связность текста. *«В общем, жила-была какая-то мисс М. Все, что у нее было, это два вставных зуба, которыми она грызла булочки, но так как они были очень черствые, базар пошел за картины. Судачили, судачили они и тут рев, вой. По улице проезжает пожарная. «Ну ни фига себе, - выпалил озадаченно Кент, че-то не догоняю эту фишку». Бабуля дай-ка мне маслица, хлебцы смазать». «Лови», истерично крикнула бабуля и в прыжке кинула ему пачку масла...».* При пересказе тематизации подвергается вербальная агрессия.

В связи с факторами, влияющими на процесс вербализации, возникает проблема интерпретации, ее стилей, релевантных признаков, определяющих специфику понимания. Данная проблема уже начинает рассматриваться в психологии. Так, А.Н Славской. проводилось исследование особенностей интерпретации научных текстов студентами (2002). Были выявлены 4 типа интерпретации (интеллектуальный, творческий, оценочный, критический) на основе таких критериев, как оценка, комментарий, конкретность - абстрактность изложения, монологичность – диалогичность. Однако отсутствие лингвистических критериев делает типологии интерпретаций однобокими. Особенность «обхождения» языковыми конструкциями составляет суть семиотического поведения субъекта, уровня организации языкового сознания. Однако необходима разработка эффективного категориального аппарата.

Агрессивность как производное или следствие некоторого фактора, находя выражение в тексте, указывает косвенно на причины данного агрессивного состояния, эти причины не осознаются самим коммуникантом. Так, испытуемая Д. в тексте пересказа проецирует значение обиды: *«У одной женщины была булочная (магазин). И каждый день к ней приходил старичок. Он ей приглянулся тем, как был одет и своей вежливостью. Она подумала, что он художник, но он был чертежником. Он ей понравился и она стала за ним бегать. Постоянно носила к нему на чердак хлеб. В конце концов она его обидела».* Данная интерпретация соответствует в классификации А.Н. Славской априорному типу.

Бедность пересказа, т.е. невоспроизводимость многих компонентов нарративного фрейма, тематизация негативных последствий событий, опи-

сываемых в тексте, опускание содержания переживаний героини рассказа, отсутствие морали или оценки в изложении – это характерные признаки *аффективного* комплекса агрессии.

Депрессивная форма аффекта, в отличие от агрессивной, характеризуется наличием морали в тексте, т.е. оценочной части. Вероятно, это связано с заниженной оценкой у депрессивных невротиков, с чувством собственной вины. В фокусе внимания оказываются значения жалости, стыда, немогности. Но при этом пересказ отличает более точное воспроизведение терминалов нарративного фрейма и опускание или забывание эпизодов текста со значением угрозы. Нарративная компетенция у *депрессивных* более качественная, чем у агрессивных. Однако общей характеристикой выступает низкое качество связанности текста. Испытуемый Ф. наиболее типично представляет знаковую деятельность коммуникантов с депрессивной формой аффекта: *«Мисс Марта, старушка с хорошим счетом в банке. Она имела небольшую булочную и, конечно, была довольна своей жизнью. Каждый раз к ней приходили покупатели за печеньем, булочками и др. вкусностями, но среди прочих она выделяла одного. Это был уже немолодой мужчина, одет бедно, но очень опрятно. Складывалось впечатление о его хороших манерах. Он заходил к мисс Марте и покупал за 5 центов 3 черствых хлеба. Мисс Марте было очень жаль. В её грезах он представлялся ей бедным художником-романтиком, живущим на чердаке и питающийся этими черствыми хлебами. Она твердо решила ему помочь. Стала для него одеваться и следить за собой. И умудрилась все-таки, краснея и коря себя за это, подсунуть в хлебцы масло. Она весь следующий день ходила в мечтах и представляла его радость. Но, как говорится, не делай добро, а то.... И вскоре в ее магазинчик влетел ее художник и по-немецки наградил потоком изящных выражений. Его молодой друг, выпихнув из магазина художника, объяснил все леди. Это известный инженер, он долго трудился над одним проектом и использовал ваши хлебцы вместо резинок. Вы знаете, что чертеж сначала пишется карандашом, впоследствии обводят чернилами, а ваше масло все испортило. После этого, поплавав, мисс сняла шелковую кофту и вылила отбеливающий отвар».*

Важным критерием для оценки семантики эмоционального состояния является забывание, опускание компонентов нарративного фрейма рассказа и включение отсутствующих компонентов. Более точное измерение знакового поведения через статистику количества тем, степени распространенности схемы предложения представляется громоздким и нуждается в компьютерной обработке.

Литература

1. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: Исследование форм репрезентации в обыденном сознании. – М., 1983.
2. Романов А.А. Политическая лингвистика. – М., 2002.
3. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. – М., 2002.

4. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основы и психодиагностические возможности. – М., 1983.

References

1. Petrenko V.F. Introduction to experimental psycho-semantic: a Study of forms of representation in ordinary consciousness. - M, 1983.

2. Romanov A.A. Political linguistics. - M, 2002.

3. Slavskaya A.N. The person as the subject of interpretation. - M, 2002.

4. Shmelyov A.G. Introduction to experimental psycho-semantic: Theoretical-methodological basis and psycho-diagnostic capabilities. - M, 1983.

(0,3 п.л.)